

О.А. ЖИРНОВ
АТЛАНТИКА ШИРЕ НЕ СТАНЕТ!
(Обзор)

В последние годы западные исследователи стали уделять большое внимание анализу нынешнего состояния трансатлантических отношений и прогнозам их развития в ближайшем будущем. Обращение к этим сюжетам объясняется ростом напряженности в евро-американских отношениях, которая стала следствием усилившихся разногласий в оценках степени значимости тех или иных тем в рамках трансатлантической повестки дня, а также в подходах к решению наиболее острых проблем современности. Дают о себе знать и расхождения в вопросах, касающихся региональных приоритетов во внешней политике США и Европы.

Известно, что со времен окончания Второй мировой войны и создания структур трансатлантического партнерства разногласия в экономической и политической сферах всегда были неотъемлемой частью этого диалога. Очевидно, что и в дальнейшем они не исчезнут. Эту тенденцию четко обозначила реакция европейских стран на первые внешнеполитические шаги администрации Дж. Буша-младшего. В Европе с непониманием был воспринят выход США из согласованного еще в 1997 г. Киотского протокола, который предусматривал осуществление ряда мер по оздоровлению климата на нашей планете. Опасения по поводу возможной дестабилизации международной обстановки пробудили жесткая позиция Вашингтона в отношении КНР, занятая незадолго перед вынужденной посадкой на китайской территории американского самолета-разведчика, и прием в Белом доме духовного лидера Тибета далай-ламы. Негативную реакцию вызвал и разрыв переговоров США с КНДР относительно судьбы ее ракетного потенциала, а также возможное ослабление американского участия в стабилизации положения на Балканах (22, с.18).

Усилившиеся разногласия между США и Европой породили ряд вопросов. Является ли нынешнее ухудшение евро-американских отношений всего лишь «ночным кошмаром», от которого партнеры быстро избавятся, или происходит нечто большее, — ослабление партнеров, а то и крушение союза? Переживают ли союзники период естественного беспокойства, которое сопровождает почти каждую смену администрации в Белом доме или происходят глубокие структурные сдвиги в блоке? Найти ответы на эти вопросы представляется, по мнению английского исследователя И. Даалдера, весьма важным. В особенности для Европы, ибо ничто так серьезно не затронет, как он считает, безопасность континента в грядущем десятилетии, как фундаментальные сдвиги в трансатлантических отношениях, которые в течение более полувека доминировали в европейском политическом ландшафте и обеспечивали европейскую безопасность и процветание (20, с. 554).

В поисках ответа на указанные вопросы ученые обращаются к выяснению причин усиливающихся разногласий. В качестве основной причины они единодушно указывают на те глубокие перемены, которые произошли в мире в последнее десятилетие XX в. Развалился Советский Союз, с крушением которого произошла либерализация стран, длительное время являвшихся «заложниками коммунистического империалистического господства»; прекратился конфликт между Востоком и Западом, в течение более чем сорока лет доминировавший в мировой политике. США остались единственной страной, обладающей «набором военной, экономической, культурной и политической мощи, равной которой не знала история человечества» (20, с. 555).

В качественно новый период интеграции вступила и Западная Европа, которая эволюционировала из объединения стран с общим рынком в сообщество, обладающее многими ключевыми атрибутами суверенитета: четко очерченной территорией, монополией на вооруженные силы, единой валютой и т.д. Совокупность этих политических изменений означала глубокую трансформацию структурной основы европейской безопасности (20, с.555; 25, с.28–29).

Изменения в характере трансатлантических отношений в значительной мере обусловлены, по мнению ряда авторов, и сменой поколений в политических элитах обеих сторон. «Поколение Рейгана, Тэтчер и Коля сформировало свое мировоззрение, — пишет

В. Вайденфельд, — в ясных условиях холодной войны. Антагонизм в отношениях с Востоком и сердечная теплота на Западе были двумя сторонами одной и той же медали. Трансатлантическая солидарность была сердцевиной безопасности и свободы в Западной Европе. План Маршалла, снабжение продовольствием, которое обеспечивал Гувер, пакеты с гуманитарной помощью — из всего этого возникли как эмоциональная связь, так и программная конструкция, служившая ориентиром по ту сторону повседневных интересов. Одновременно с «политическим материнским молоком» всасывались дружеские чувства к Соединенным Штатам Америки, которые отражались через Атлантику американской политической элитой — от Генри Киссинджера до Вернона Уолтерса» (2, с. 5–6). Нынешнее поколение, находящееся у власти, познало, подчеркивает немецкий исследователь, другую разновидность социализации: «В молодые годы нынешних политических лидеров доминировал, скорее, протест против окостеневших структур той самой трансатлантической эпохи грюндерства. Вследствие этого образовалась другая система ментальной фильтрации — не занимать антиатлантические позиции, но трезво взвешивать, какую весомость придавать какому фактору международной политики в той или иной ситуации. Маржа действий стала больше. Демонстрация спокойного самосознания в отношениях с США приносит Европе очки с последующим поощрением» (2, с.6).

На важную роль фактора смены поколений в изменении характера трансатлантических отношений указывает и немецкий политолог Клаус Леггеви. Он пишет, что если в послевоенное время поколение «флакхельферов» (прислуга зенитных орудий, набравшаяся из старшеклассников) и «перевоспитанных членов гитлерюгенда» было не только дружественно настроено по отношению к Америке, но и присягнуло ей, то поколение конца 60-х годов и люди, завершившие создание Боннской республики, сочли эти «страсти» чрезмерными. К. Леггеви приходит к следующему выводу: «Старая гвардия выполнила свою миссию, германо-американские отношения стали самостоятельным игроком, одной из составляющих в системе мирового сообщества» (цит. по: 25, с.29). Видимо, вывод автора имеет силу не только для отношений между Германией и США, но и для евро-американских отношений в целом.

Столь фундаментальные изменения в глобальной политической и экономической расстановке сил, смена политических элит в европейских странах и в США, естественно, не могли не сказаться на качестве трансатлантического партнерства.

Лишь при наивном взгляде на вещи можно было бы ожидать, считает профессор В.Вайденфельд, что в евро-американском сотрудничестве ничего не изменится после прекращения конфликта между Востоком и Западом. «Конечно, — соглашается он, — тепло ностальгического пафоса будет еще некоторое время красиво декорировать его фасад. Но в глубинном измерении отношений нельзя не заметить эрозию. Усиливающееся отсутствие интереса, ослабление личных связей, смена поколений, фиксация на внутренней политике, более скрытое определение точек зрения, неожиданные резкие перемены в политических позициях — одним словом, отношения между... Европой и Америкой лишаются составляющих, которые считались само собой разумеющимися» (2, с.6).

Неизбежность пересмотра характера отношений признают и в США. Так, американский исследователь Дж. Гедмин считает, что «после окончания «холодной войны» стремление более независимой Европы найти новую трактовку трансатлантических отношений было неотвратимым. Бестактность (в качестве примера достаточно привести ключевое понятие — Киото) и непостоянство (ключевое слово на протяжении десятилетия — Балканы) привнесли свою лепту в нарастание напряженности вокруг достижения новой договоренности» (3, с.61).

Для нынешней панорамы западного мира, констатирует В. Вайденфельд, характерны четыре новые конфигурации: на место теплых эмоций приходит холодный расчет; образ партнера периода холодной войны сменяется традиционными амбивалентными представлениями; Америка выпускает Европу из «тесных объятий», диктовавшихся мировой политикой, и следует внутривосточному императиву; в конце этого процесса в расчет принимаются лишь кровные интересы (2, с.5). Некоторые специалисты в области международных отношений пришли к выводу о том, что эти изменения могут привести к ликвидации европейских институтов времен противостояния по линии Восток — Запад, включая не только исчезнувший Варшавский договор, но и НАТО и даже Европейский союз (ЕС). Другие аналитики пошли еще дальше в своих прогнозах, предсказывая

возобновление внутриевропейского соперничества, возможность межгосударственных конфликтов и войн, быстрого распространения ядерного оружия. А некоторые исследователи даже заявили о том, что Европа быстро пожалеет о завершении холодной войны (20, с. 555 – 556).

Однако эти панические прогнозы оказались ошибочными. Члены НАТО быстро адаптировались к новой обстановке в сфере безопасности, трансформировав Альянс из организации коллективной обороны в организацию коллективной безопасности. В течение 90-х годов НАТО превратилась в обновленный союз, который обладает новой стратегической концепцией противодействия угрозам миру и стабильности в Европе, приобрел новых членов и партнеров, усиливших его политическую значимость. В эти же годы были созданы новые структуры, чтобы дать возможность Европе усилить влияние на процесс принятия решений в Альянсе.

Столь же необоснованными оказались и опасения относительно возможного кризиса ЕС. Наоборот, 90-е годы стали временем его существенно роста и развития. Европейский союз располагает общим рынком, экономическим и валютным союзами (включая единую денежную единицу), активно разрабатывает единую внешнюю политику и политику в области безопасности и даже скоординированную оборонную политику, призванную обеспечить ЕС возможность автономно принимать решения и действовать в кризисных ситуациях. Усилия США и их европейских партнеров по созданию сильной Европы, реформированного Североатлантического альянса, привлечению России к участию в европейских делах, обеспечению мира и стабильности в Европейском регионе, в особенности на Балканах, дали впечатляющие результаты на рубеже столетий. Сегодня Европа, констатирует И. Даалдер, является более мирной, менее разделенной и более демократической, чем когда бы то ни было в своей истории (20, с. 556).

Однако, несмотря на впечатляющие успехи, а вернее, в связи с ними, подчеркивает И. Даалдер, имеют место свидетельства усиливающейся напряженности в евро-американских отношениях. Если прежде трансатлантические отношения занимали центральное место в американской и европейской политике, то сейчас дело обстоит иначе (20, с. 556).

Так, для европейских стран основными проблемами в ближайшее десятилетие будут консолидация ЕС и его расширение на восток. Члены ЕС будут вовлечены в фундаментальную дискуссию относительно будущего Союза, включая его сущностную природу и конечное предназначение. Дискуссии по этому вопросу, начавшиеся в 2000 г., свидетельствуют о том, что между европейскими лидерами существуют серьезные разногласия в вопросе о том, как должна эволюционировать новая Европа. Учитывая серьезность расхождений во взглядах, не приходится сомневаться в том, что дебаты относительно будущего Европы будут многие годы приковывать к себе внимание европейских лидеров и общественности. И даже если эти дебаты закончатся (а вероятнее всего, они будут отложены), обширная повестка дня по-прежнему будет доминировать во внутренней и внешней политике европейских стран (20, с. 557). Несомненно, заключает И. Даалдер, США и трансатлантические отношения в целом останутся важными элементами во внешней политике ЕС, однако они неизбежно отойдут на второй план, а доминировать будут вопросы, касающиеся будущего Европы (20, с. 557–558).

Что касается США, то Европа, сохраняя свое значение, перестает быть единственной их заботой. Для американской администрации приоритетами становятся нестабильность в Азии, обусловленная, в частности, ослабевающим союзом с Японией и растущей мощью Китая, консолидация демократии в Западном полушарии. Не случайным в этой связи выглядит тот факт, что в первые четыре месяца своего пребывания на посту президента Дж. Буш встретился с официальными лицами ключевых союзников в Азии, в том числе КНР. Его первые зарубежные поездки были к соседям – в Мексику и Канаду, а свой первый президентский саммит он провел с лидерами государств Американского континента, со многими из которых он к тому времени встречался один на один. В то же время до своей первой поездки в Европу (саммит в июне 2001 г.) Дж. Буш встретился лишь с лидерами трех европейских стран – Великобритании, Германии и Македонии.

Значимость Азии и Американского континента во внешней политике США находит подтверждение не только в количестве официальных визитов, совершенных президентом Дж. Бушем в страны этих регионов. В экономической сфере об этом свидетельствует настойчивость администрации США в деле возобновления переговоров относительно

создания Панамериканской зоны свободной торговли (ПАЗСТ), а не очередного раунда глобальных переговоров по торговле. Причины этого кроются отчасти в трудностях, связанных с получением согласия со стороны конгресса. Вместе с тем это является и отражением особой американской позиции. Президент Дж. Буш объяснил стремление интенсифицировать переговоры желанием ускорить создание ПАЗСТ, чтобы повысить в долгосрочной перспективе конкурентоспособность США в борьбе с дальневосточными и европейскими странами (20, с. 558).

Что касается политики безопасности, то в этой области, похоже, на первый план выдвигается Азия. По мнению И. Даалдера, упор на создание национальной Системы противоракетной обороны (НПРО), который характеризует подход администрации США к политике безопасности, в значительной мере объясняется ощущением угрозы со стороны КНДР, а также КНР (20, с.558).

Однако окончание американского «евроцентризма» отнюдь не свидетельствует о том, что Вашингтон (при Буше-младшем или каком-либо другом американском президенте) перестанет интересоваться положением дел в Европе. Скорее, это означает смену приоритетов во внешней политике США в пользу стран Азии и Западного полушария. Это стало возможным благодаря тому, что в начале XXI в. Европа уже не сталкивается с такими серьезными вызовами в области безопасности, которые вынуждали США в течение всего послевоенного периода вмешиваться в европейские дела. В этом смысле сложившуюся на рубеже веков ситуацию в Европе следует рассматривать, по мнению И. Даалдера, как большой успех американской и европейской политики, который позволил партнерам несколько ослабить внимание к трансатлантическим отношениям и обратить внимание на более важные для них проблемы. Как бы то ни было, смена региональных приоритетов означает, что Вашингтон будет меньше уделять внимания Европе в своей внешней политике, а Европа – Соединенным Штатам (20, с.558–559).

Еще одной причиной, вызывающей напряженность в евро-атлантических отношениях, является расхождение во внешнеполитических приоритетах партнеров. Для Вашингтона внешняя политика в первую очередь и прежде всего – это политика противодействия угрозам, как традиционным (включая возможные подрывные политические и военные акции против американских друзей и союзников со стороны стран, враждебных интересам США), так и новым, являющимся следствием распространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ), растущего потенциала террористических организаций и других негосударственных субъектов международной жизни, а также возрастающей уязвимости американского общества (прямые атаки) (20, с. 559).

Намерения Европы значительно шире. Они включают борьбу с угрозами безопасности для человечества, проистекающими из распространения болезней, вызываемых недоеданием и изменением климата; нейтрализацию вызовов, порождаемых процессом глобализации; использование новых возможностей для консолидации демократии в Европе и за ее пределами (20, с.559).

Преобладающий подход во внешней политике Вашингтона при президенте Дж. Буше основывается на традиционалистском видении международной политики – игре с нулевым результатом между США и теми, кто мог бы угрожать их территории, союзам, друзьям или интересам. Несмотря на уникальную мощь США, приоритетное внимание администрация Дж. Буша оказывает вопросам обеспечения безопасности государства от внешней угрозы, а не использованию имеющихся возможностей для построения такого мира, который способствовал бы реализации американских интересов и ценностей. Такой подход ставит во главу угла внешней политики США проблемы безопасности и военные вопросы, концентрирует усилия администрации на угрозах национальной безопасности. Это и является основной движущей силой зарубежной активности США (20, с.559).

Для Европы мир выглядит совсем иначе. Лишь немногие европейские правительства связывают свою зарубежную деятельность с растущей опасностью извне, уязвимостью своих стран перед традиционными и новыми угрозами. Наоборот, отсутствие нетрадиционных угроз безопасности (наиболее яркий пример – распад СССР) позволило западноевропейским странам построить более прочный демократический порядок. Главным приоритетом внешней политики Западной Европы является осознанная необходимость сделать мир более совершенным, начав с укрепления демократии, роста благополучия и уважения прав человека на континенте в целом. Столь же важным для

внешней политики Европы является поиск ответов на целый ряд глобальных вызовов (изменение климата на планете, проблемы бедности, миграции и т.д.).

Так что контраст между внешнеполитическими амбициями Европы и США велик и может стать еще большим. В то время как США сосредоточены на минимизации своей уязвимости и борьбе с «государствами-изгоями», заботой Европы является строительство более совершенного мира путем преодоления многочисленных и многообразных вызовов глобальному благосостоянию и урегулирования негативных последствий деятельности «несостоявшихся государств» (20, с.560).

Столь отличающиеся приоритеты в политике США и Западной Европы помогают объяснить фундаментальные различия в американских и европейских взглядах на то, как наилучшим образом ответить на существующие угрозы и вызовы, использовать новые возможности, предоставляемые изменяющейся международной обстановкой. Являясь наиболее мощной державой мира, сосредоточившейся на нейтрализации и предотвращении угроз своей безопасности, США в последние годы стремятся к более широким действиям на мировой арене, к уменьшению контроля над своим поведением, чтобы, как им представляется, иметь возможность эффективно противодействовать угрозам. Часто это ошибочно принимают, считает И. Даалдер, как возврат изоляционизму (неоизоляционизму), хотя в принципе это унилатерализм, приверженность к односторонним действиям. Унилатералисты занимают сейчас господствующие позиции в администрации Дж. Буша, в особенности в конгрессе. Цель сторонников унилатерализма — усиление американской мощи. Они одобряют принцип опоры на собственные силы, отвергают мультилатерализм (коллективный подход к решению международных проблем) и международные договоры как чрезмерные и неприемлемые ограничения для стремления США действовать по своему усмотрению. Унилатералисты предпочитают «жесткую» власть (военную, экономическую и дипломатическую) «мягкой» власти международных норм и переговоров (20, с.560). Для многих из них военные расходы США никогда не кажутся слишком большими, а американская внешняя помощь и взносы в международные организации — слишком незначительными. Это политика жесткого реализма, основывающегося на принципе «сильный делает то, что хочет, а слабый то, что он должен делать» (20, с.560–561).

Такой подход к решению международных проблем непригоден для Европы, по крайней мере в XXI в. Воспитанные на традициях мультилатерализма, присущих европейской интеграции, и вынужденные действовать совместно (ввиду отсутствия необходимой индивидуальной мощи), европейцы подходят к вызовам и возможностям нового времени с твердой убежденностью в том, что коллективные действия являются наилучшим, если не единственным путем решения общих проблем. Договоры наиболее успешно формулируются путем диалога и коллективного участия, и к «сдерживанию путем устрашения» прибегают только тогда, когда переговоры не удаются. В целом внешняя политика должна стремиться к выработке международных режимов, общих норм и обязывающих международных договоров — и все это необходимо формировать на основе сотрудничества. Частично вера в эффективность решений, выработанных в результате многостороннего сотрудничества, проистекает из убежденности в том, что большинство глобальных вызовов не поддаются решению за счет усилий какого-либо одного государства, даже если таковым являются могущественные США. Европейцы убеждены, что подобные проблемы можно решить только усилиями всего международного сообщества. Конечно, у европейцев нет выбора: для каждого из европейских государств возврат к унилатерализму привел бы к краху. Именно поэтому многосторонние действия рассматриваются европейцами как более эффективные и прочные, более всеобъемлющие и легитимные, чем альтернатива унилатерализма, односторонних действий. В краткосрочном плане унилатерализм иногда может принести, признают европейцы, больше выгод, чем многосторонний подход. Однако часто эти выгоды ведут к долгосрочным бедам в будущем (20, с. 561).

Словом, в настоящее время существуют вполне определенные основы для выработки нового политического курса в рамках трансатлантических отношений. В век глобализации и компьютеризации трансатлантическое партнерство должно, считает немецкий исследователь Ф. Рюэ, укрепляться и углубляться, учитывать новые задачи и цели. Если в период холодной войны на первом плане стояла общая задача противодействия «советской

угрозе», то теперь Европа и США в условиях глобальных технологических, социальных и политических изменений должны разработать совместную глобальную стратегию (27, с.5).

В связи с возникновением кризисных явлений в трансатлантических отношениях, которые требуют неотложных мер по их трансформации и адаптации к новым условиям, возникает ряд новых вопросов. Какими будут эти отношения? Каким будет этот новый курс? Будет ли это «развод», после которого партнеры, поблагодарив друг друга, пойдут каждый своей дорогой после более чем 50-летнего плодотворного и успешного партнерства? Или они попытаются обновить свое партнерство и дать новую «клятву в верности друг другу» и продолжат партнерство, приспособив его к новой мировой обстановке? Или, наконец, они просто продолжают отдаляться друг от друга, подобно супругам, которые хотя и продолжают жить вместе, однако общаются все меньше и меньше, и каждый из них живет своей собственной жизнью (20, с. 563)?

На этот счет высказываются разные предположения. Так, немецкий исследователь О. Тренерт, признавая, что трансатлантические отношения находятся в состоянии серьезного кризиса (который, впрочем, он трактует лишь как некоторый сбой в работе «трансатлантического мотора»), не отрицает того, что США и Европу все еще связывает многое. Несмотря на то что в настоящее время США находятся в исключительно благоприятном положении, они и в будущем будут стремиться улаживать конфликты и кризисы совместно со своими европейскими союзниками, которые наиболее близки им по своим интересам и ценностным представлениям. Со своей стороны, европейцы, учитывая их военную слабость и отсутствие действительно общей внешнеполитической позиции, все равно останутся привязанными к США (28, с.117).

Не видит оснований для прекращения трансатлантического партнерства и К. Фойгт (координатор германо-американского сотрудничества в МИД Германии). США останутся, считает он, в обозримом будущем единственной мировой державой. Однако она отнюдь не является гегемоном: гегемон способен навязать свои представления даже вопреки сопротивлению других государств. Однако США не в состоянии сделать этого. Хотя США остались единственной мировой державой, но даже они не могут обойтись без партнеров. Наиболее приемлемым их партнером (вследствие параллельности интересов и ценностных представлений) является Западная Европа. Это обстоятельство, подчеркивает К. Фойгт, — здоровая основа для сохранения и развития трансатлантических отношений. Не только Европа нуждается в США, но и США нуждаются в Европе (21, с.120).

Ряд возможных вариантов развития трансатлантических отношений рассматривает И. Даалдер. «Развод», по его мнению, — это наиболее радикальный вариант, а потому он представляется наименее вероятным. Хотя связи между США и Европой, быть может, и «поизносились», однако они еще существуют. После более чем полувекового взаимодействия отношения между обеими сторонами Атлантики глубоко институционализированы на всех уровнях и почти во всех областях, так что «развод» трудно рассматривать всерьез. Более того, сотрудничество между партнерами основывается на ряде общих и важных ценностей — приверженности демократии, рыночной экономике и основным правам человека, что обуславливает совпадение американских и европейских интересов по большинству международных вопросов. Еще важнее то, что, несмотря на все различия и растущую напряженность, трансатлантическое партнерство остается пока еще более прочным, здоровым и важным для обеих сторон, чем партнерство между двумя иными крупными сообществами в мире. Даже «наиболее неудобные» двусторонние отношения между США и Францией являются глубже и значимее, чем самые хорошие двусторонние отношения с какой-либо страной в Азии (Японией). Решение администрации Дж. Буша о продолжении присутствия США на Балканах свидетельствует о том, что верность Альянсу остается достаточно прочной, что, в свою очередь, не оставляет места для каких-либо разговоров о «разводе» (20, с. 564).

Если «развод» представляется крайне маловероятным, поскольку в сущности трансатлантическое партнерство является весьма здоровым, не станет ли ответом на вопрос предположение о вероятности продолжения обновленного партнерства? Логика подсказывает, считает И. Даалдер, что так и должно бы быть. Мировые проблемы слишком сложны и многообразны, чтобы их могла решить какая-либо одна страна, даже столь мощная, как США. Из всех стран мира только члены ЕС являются «прирожденными», «естественными» партнерами Вашингтона. Однако логики еще недостаточно для того, чтобы выковать партнерство, которое было бы более сбалансированным, чем

трансатлантические связи, существовавшие и ранее. Перестройка партнерства потребует большой адаптации со стороны как Европы, так и США, и достичь ее будет нелегко. Европа хотела бы усилить свою способность действовать сообща, особенно в военной сфере. Даже достижение главных целей в деле создания европейских сил быстрого реагирования будет всего лишь небольшим первоначальным шагом к тому, чего хотел бы добиться в конечном счете ЕС. Реальное партнерство потребует обладания реальной военной мощью. Европейцы должны будут продемонстрировать также готовность нести бóльшие расходы по обеспечению безопасности, причем не только в Европе, но и, в возрастающей степени, за ее пределами. Это, в свою очередь, потребует от европейцев расширить свои стратегические планы за пределы континента. Наконец, обновленное партнерство заставит США продемонстрировать готовность предоставить Европе действительно равные права в рамках их взаимных отношений. Вашингтон должен будет не только время от времени считаться с европейским лидерством, но и показать, что он готов действовать в соответствии с общепринятыми международными средствами (включая договоры, режимы и нормы) укрепления всеобщей безопасности, процветания и благополучия (20, с. 564). Такого рода адаптация представляется трудным делом даже для тех, кто в США является сторонником обновленного партнерства.

Следовательно, наиболее вероятным будущим евроатлантических отношений станет, приходит к заключению И. Даалдер, «расхождение континентов». Трансатлантический альянс, продолжая существовать, вероятно, будет становиться все менее значимым в рамках нынешних забот Европы и США. Убежденные атлантисты будут сожалеть об этом, однако они должны признать, что трансатлантическое партнерство уже трансформировалось. Причина тому — не тот или иной политический курс (будь то Киото, национальная противоракетная система США или европейские силы быстрого реагирования), что часто преподносится как причина изменения в отношениях. Унилатералистские проявления, как, например, стремление Европы уравновесить чрезмерное влияние США, являются скорее симптомами, нежели причиной. Реальные же причины лежат гораздо глубже. Атлантизм как концепция теряет своих сторонников. К власти приходят новые поколения политиков, которые ничего не знают о Второй мировой войне и мало — о несчастьях и испытаниях, выковавших прочные связи через Атлантику. Политически консервативный Белый дом противостоит Европе, которой правят преимущественно левоцентристы, а растущее отличие (несходство) в относительной мощи дает возможность обеим сторонам игнорировать другую, когда они вершат свою политику. Завершение холодной войны не только ослабило необходимость существования союза, оно также дало европейцам и американцам «роскошь» быть безответственными, в том числе позволить себе все дальше и дальше отходить друг от друга (20, с.565).

О продолжающихся изменениях в поведении сторон можно, конечно, сожалеть, но это не означает, что Европу может постигнуть катастрофа (которую многие аналитики допускают), если союзническое единство исчезнет. Отношения между Европой и Америкой не опустятся до конфликта, насилия или войны. И не только потому, что мало будет такого, за что нужно будет сражаться. Этого «не допустят» взаимные инвестиции — они слишком велики, чтобы рисковать ими (20, с. 565).

На значимость экономического фактора в обеспечении прочности трансатлантического партнерства указывают и американские исследователи Э. Китон и Р. Муни. США и члены ЕС поддерживают между собой чрезвычайно обширные инвестиционные и торговые отношения, которые по своему объему далеко превосходят аналогичные отношения между какими-либо другими группами стран. Так, общий объем инвестиций партнеров составляет около 300 млрд. долл., причем каждая из сторон обеспечивает работой 3 млн. граждан. Весьма внушителен и объем трансатлантической торговли — он достигает 500 млрд. долл. в год (23, с.16). Было бы глупо, замечают американские исследователи, при некоторых разногласиях по отдельным вопросам игнорировать этот солидный фундамент. Касаясь будущего экономической составляющей трансатлантического партнерства, Э. Китон и Р. Муни выражают уверенность в том, что и впредь экономическая и торговая политика будет характеризоваться «дружеской конкуренцией». Ключевым понятием при этом останется определение «дружеская», ибо гигантский поток товаров и инвестиций через Атлантику отнюдь не является «игрой с нулевой суммой». Что касается неизбежно возникающих при этом разногласий по некоторым вопросам, то они проистекают, как и в военно-политической сфере, из

интенсивности трансатлантических отношений, а также из необходимости дальнейшего развития этих связей (23, с.16–17).

Анализируя перспективы развития трансатлантических отношений, И. Даалдер обращает внимание на некоторые возможные отрицательные последствия происходящего размежевания Европы и США (исключая открытый конфликт).

Во-первых, будут потеряны возможности для сотрудничества, если трансатлантические отношения будут продолжать ухудшаться нынешними темпами. Многие сложные мировые (от предотвращения распространения ОМУ до урегулирования негативных последствий деятельности «несостоявшихся государств») проблемы могут быть наиболее успешно решены лишь коллективными усилиями. В отсутствии такого сотрудничества эти проблемы способны еще более обостриться, а в ряде случаев станут серьезнее и, следовательно, значительно труднее разрешимыми (20, с. 565).

Во-вторых, даже в тех случаях, когда Европа и США договорятся действовать сообща, им, вероятно, придется «работать» с определенным запозданием. Решение проблем окажется более трудным и дорогостоящим. Более того, возможность предпринять превентивные меры, которые могли бы привести к успеху (если бы вмешательство произошло раньше), может быть потеряна. Взять хотя бы в качестве примера евро-американскую реакцию на события в Боснии, Косово и Македонии. В первом случае ответ не был скоординирован и оказался неэффективным. Результатом стала жестокая война, которая продолжалась более трех лет и закончилась только тогда, когда администрация У. Клинтона приняла решение применить силу (20, с. 566). События в Косово стали свидетельством более эффективных действий, предпринятых, однако, слишком поздно, чтобы предотвратить массовое насилие. Очевидно, что интервенция НАТО в Косово оказалась более эффективной, чем в Боснии, потому, что евро-американское согласие было достигнуто гораздо раньше. Однако интервенция произошла с запозданием, так что только массированное применение силы оказалось в состоянии покончить с массовым террором. В отличие от этих двух случаев, скоординированная и совместная евро-американская акция по предотвращению эскалации насилия в Македонии в 2001 г. показала, что заблаговременные кооперативные действия часто являются наиболее успешными в решении конфликтов, которые в противном случае могли бы привести к войне. Однако возможности такой координации (особенно в начальной стадии, когда интервенция может оказаться наиболее эффективной и наименее дорогостоящей) могут быть серьезно ослаблены, если партнеры будут «дрейфовать» в разные стороны (20, с. 566).

В-третьих, Европа и США будут, вероятно, в меньшей мере уступать друг другу, чем в прошлом. В течение 50 лет союзники часто продвигались вперед только после того, как принималась во внимание точка зрения другой стороны. Однако в большинстве случаев определенные действия предпринимались только после учета того, как прореагируют на них союзники. Похоже, что впредь США и Западная Европа будут идти своей дорогой, все меньше обращая внимание на последствия своих решений для другой стороны, в особенности в вопросах, непосредственно не связанных с их партнерством (20, с.566).

Таким образом, по практически единодушному признанию ученых, трансатлантические отношения находятся на перепутье. Нынешние тенденции указывают на то, что Атлантика как будто бы должна стать шире. Так ли это? Возможно, что она станет и шире. Однако, утверждает И. Даалдер, мало шансов и на то, что Атлантика превратится в «непреодолимую пропасть». Столь же очевидно, по мнению И. Даалдера, и то, что в случае возникновения какого-либо чрезвычайного происшествия или даже намека на опасность для обеих сторон США и Европа восстановят тесное партнерство, которое характеризовало их отношения в годы холодной войны и в последующие несколько лет после ее завершения (20, с.567).

Более определенно высказывается на этот счет Х. Хабер (13). Отвечая на вопрос, станет ли Атлантика шире, он утверждает, что «ответ на этот вопрос более или менее ясен: нет». Его уверенность основывается на том, что различие американской и европейской точек зрения приводит не к тому, что Европа и Америка отворачиваются друг от друга или теряют взаимный интерес, а к дальнейшим более интенсивным трансатлантическим консультациям. Все стороны осознают, что эти дебаты проходят по определенным правилам и основываются на общих для европейцев и американцев ценностях и что рано или поздно будет достигнут результат, приемлемый для всех. У стороннего наблюдателя, утверждает Х. Хабер, может возникнуть впечатление, что различия в трансатлантических

интересах приобретают трагические масштабы. Однако никто не призывает к «расширению Атлантики», никто не расценивает это как позитивный процесс, а в конечном счете именно это и является решающим. «С определенным преувеличением, — заключает Х. Хабер, — можно сказать, что речь идет об одном из вариантов трансатлантической внутренней политики (оказывающей, правда, воздействие на весь мир), где даже самые острые внутривнутриполитические диспуты не приводят к расколу — во всяком случае, в Западной Европе. Эта установка глубоко укоренена в сознании западноевропейских государств... развитие экономики Европы и защита ее национальной безопасности в XX в. были успешными в том случае, когда она имела в лице Соединенных Штатов союзника, и результат выглядел бы совсем иначе, если бы США таковым не являлись или выступали бы в качестве врага» (13).

Список литературы

1. Бирлинг Ш. Америка и Европа // Intern. Politik — М., 2000. — №2. — С.65–67.
2. Вайденфельд В. Трезвый расчет: Новая эра в трансатлантических отношениях // Там же. — М., 2001. — №1. — С.4–16.
3. Гедмин Дж. Франция: Зануда Альянса? // Там же. — №6. — С.59–61.
4. Давыдов Ю. Россия и Европа: Проблема многополярного мира // Там же. — С. 16–27.
5. Делпех Т. Тройственная дипломатия будущего: Некоторые новые координаты политики безопасности в Европе // Там же. — 1999. — №5. — С.38–43.
6. Джейнс Дж. Буш и европейцы: Трудное знакомство // Там же. — 2001. — №6. — С.28–40.
7. Зеликов Ф. Великая, но нерешительная Европа: Американская точка зрения // Там же. — 1999. — №5. — С.43–52.
8. Купчан Ч. От миротворца к партнеру: Америка, Европа и атлантическая безопасность // Там же. — №7. — С.28–35.
9. Минчев Э. Евроатлантическое партнерство на Балканах // Там же. — 2001. — №6. — С.73–80.
10. Пархалина Т. О природе трансатлантических отношений на современном этапе // Там же. — С.48–55.
11. Рюле М. Трансатлантические диссонансы: Семь тезисов, касающихся отношений в области безопасности // Там же. — 2000. — №4. — С.61–67.
12. Сцихи Р.Х. Глобальная политика безопасности: Интеграция трансатлантического рынка // Там же. — 2001. — №6. — С.80–89.
13. Хабер Х. Дорогие читатели! // Там же. — С.1.
14. Хольтруп П. Провал дипломатии по вопросам климата: Масло в огонь кризиса трансатлантических отношений? // Там же. — С.62–72.
15. Яннинг Й. Объяснить Европу: Новые публикации о перспективах европейской интеграции // Там же. — 2000. — №2. — С.59–65.
16. Alexander M., Garden T. The arithmetic of defence policy // Intern. affairs. — L., 2001. — Vol. 77, № 4 — P.509–529.
17. Bowen W.Q. Missile defence and the transatlantic security relationship // Ibid. — P.485–507.
18. Böckenförde S. Militärische Gewalt als künftiger amerikanischer Aussenpolitik // Intern. Politik. — Bonn, 2001. — Jg. 56, № 4. — S.398–411.
19. Chalmers M. The Atlantic burden — sharing debate — widening or fragmenting? // Intern. affairs. — L., 2001. — Vol. 77, № 4. — P.569–585.
20. Daalder I. H. Are the United States and Europe heading for divorce? // Ibid. — P.553–567.
21. Grössere Berührungsflächen — mehr Reibungspunkten: Amerika u. Europa zu Beginn des 21.Jahrhunderts: Gespräch mit Karsten Voigt // Intern. Politik. — Bonn, 2001. — Jg. 56, № 2. — S.119–125.
22. Kamp K.-H. Transatlantische Dissonanzen in der Aussen- und Sicherheitspolitik? // Polit. Meinung. — Bonn, 2001. — Jg. 46, № 380. — S.18–24.
23. Keeton E., Mooney R. Die transatlantische Beziehungen: Eine amerikan. Perspektive // Ibid. — S.11–17.

24. Kupchan Ch. In defence of European defence: An American perspective// Survival. – L., 2000. – Vol. 42, № 2. – P. 16–32.
25. Oertel F. Eckstein einer Freundschaft: Fünfzig Jahre deutsch-amerikan. Austauschprogramme // Polit. Meinung. – Bonn, 2001. – Jg. 46, № 380. – S.25–30.
26. Pfaff W. The question of hegemony // Foreign affairs. – N.Y., 2001. – Vol. 80, № 11. – P.221–232.
27. Rühle V. Europa und die USA vor neuen Herausforderungen: Eine starke Transatlant. Partnerschaft für das 21.Jahrhundert // Polit. Meinung. – Bonn, 2001. – Jg. 46, № 380. – S.5–10.
28. Thränert O. Transatlantische Beziehungen in der Krise // Intern.Politik u. Gesellschaft. – Bonn, 2001. – № 2. –S. 117–118.